

АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ ПРЕСНЯКОВ И ЕГО НАСЛЕДИЕ

До сих пор нет ни обстоятельной научной биографии, ни монографического исследования, которое бы содержало всесторонний анализ научного наследия Александра Евгеньевича Преснякова, хотя со дня его смерти прошло уже более семи десятилетий. А. Е. Пресняков ушел из жизни 30 сентября 1929 г., когда ему не исполнилось и шестидесяти лет, ему не суждено было совсем немного дожить до первых арестов, положивших начало сфальсифицированному ОГПУ печальной памяти «Академическому делу».

Академик Сергей Федорович Платонов, которому вскоре предстояло стать одним из главных фигурантов «Академического дела», успел до ареста написать некролог, воздав должное памяти своего ученика и коллеги.

«Ученики и ученые друзья А. Е. Преснякова знают, что его философские интересы были гораздо шире его специальности», — писал С. Ф. Платонов, подчеркивая незаурядность и разносторонность личности Преснякова, которого он знал еще студентом, и продолжал: «Он обладал глубоким гуманитарным образованием, склонностью и способностью к философской мысли и историческим обобщениям. В области исторической критики и методики он был столь же осведомлен, как и в фактическом материале». С. Ф. Платонов тонко подметил такую характерную черту Преснякова, каковой была «чуткая отзывчивость», ставившая его «в постоянную связь с разнообразными учеными кругами и учено-литературными предприятиями». Наделенный этой чертой Пресняков, как представлялось Платонову, был очень восприимчив ко всему, что несло на себе черты новизны, причем далеко за пределами узкоспециальных занятий: «Ничто новое в сфере политико-общественной, научной и литературной не было ему чуждо. Пытливо всматривался он в явления окружающей жизни, ловил всякое новое общественное образование *in statu nascendi* и благожелательно шел навстречу всему тому, в чем видел зерно грядущего развития и силы». При этом хорошо знавший Преснякова Платонов отмечал присущий тому живой и доброжелательный склад характера, стремление к новизне. В глазах Платонова, «это свойство его природы,

в соединении с необычайным добродушием и спокойною объективностью» делало его «привлекательнейшим человеком; а его острый и глубокий ум и яркий ученый талант сообщали его личности исключительную значительность». «Можно сказать, что это был крупный человек»,¹ — подводил итог своим впечатлениям о Преснякове Платонов и далее, что кажется очень примечательным, обращался ко времени первых встреч: «С особым чувством вспоминаются годы первого с ним знакомства, когда на глазах его университетских учителей совершался быстрый расцвет ученого таланта А. Е. Преснякова, и в его ранних, еще студенческих работах сказывалась самостоятельность и оригинальность ученого приема и выводов. Эти первые шаги были замечены факультетом, который напечатал в своих Записках медальную работу с исключительным о нем отзывом. Тогда уже можно было предвидеть в юноше крупного ученого, и он вполне оправдал те надежды, какие тогда возлагали на него его учителя и старшие товарищи».²

Платонов, глазами старшего коллеги многие годы наблюдавший Преснякова, в небольшом некрологе сумел передать живо и образно характерные черты Преснякова, ученого и человека. Несколько ранее, еще при жизни Преснякова, в 1928 г. один из его учеников по Ленинградскому педагогическому институту им. А. И. Герцена А. Л. Шапиро написал статью «А. Е. Пресняков как научный руководитель», предназначенную для сборника статей, посвященного 35-летию научной и педагогической деятельности А. Е. Преснякова. Характеризуя своего учителя, А. Л. Шапиро писал, что Преснякову присуще «одно стремление — добиться максимальной научности исторической исследовательской работы и исторического повествования», высоко оценивал учителя как научного руководителя, после встреч с которым все «работавшие у А[лександра] Е[вгеньевича] всегда уходили с его лекций или из его кабинета в каком-то приподнятом, бодром настроении, явно ощущая, как в течение 2—3 часов, проведенных в непосредственном общении с ним», «вырастали в научном отношении».³ М. Н. Покровский почтил память Преснякова на заседании Общества историков-марксистов 30 марта 1930 г., правда, с оговорками, вроде того, что покойный «не прошел революционной школы».⁴ Возможно, это объяснялось остротой момента: в разгаре было «Академическое дело». Среди тех, кто был арестован, был не только С. Ф. Платонов, но и другие коллеги Преснякова, в частности его ученик и друг Б. А. Романов. По этой же причине, скорее всего, редколлегия журнала «Историк-марксист» опубликовала лишь портрет в траурной рамке и краткое сообщение о смерти Преснякова.⁵ Некролог в этом журнале не появился.

После развенчания ореола вокруг М. Н. Покровского были переизданы труды известных дореволюционных ученых, историков ста-

¹ Платонов С. Ф. А. Е. Пресняков (некролог) // Изв. АН СССР. Отд-ние гуманитар. наук. 1930. № 2. С. 85.

² Там же. С. 85—86.

³ Шапиро А. Л. А. Е. Пресняков как научный руководитель // К 35-летию научной деятельности. [Сб. статей]. [Л.], 1929.

⁴ Историк-марксист. 1930. № 16. С. 18—19.

⁵ Историк-марксист. 1929. № 13. С. 268—269.

рой школы: «Курс русской истории» В. О. Ключевского, монографии С. Ф. Платонова и Ю. В. Готье. Б. А. Романов подготовил три тома «Лекций по русской истории» Преснякова. Первый том «Лекций» вышел в 1938 г., второй — в 1939.⁶ Начавшаяся война помешала изданию третьего тома. Его корректура так и лежит в архиве Санкт-Петербургского Института истории РАН.

В подготовленном накануне войны и попавшем в руки читателей в начале 1942 г. курсе «Русская историография» Н. Л. Рубинштейна была дана сжатая, но емкая характеристика взглядов и трудов Преснякова. Заметим попутно, что в книге Н. Л. Рубинштейна коллеге и товарищу Преснякова Н. П. Павлову-Сильванскому была отведена отдельная глава,⁷ Преснякову — несколько страниц в главе «Развитие буржуазной исторической науки в конце XIX—начале XX в.» в разделе «Петербургский университет».⁸ На особое место, которое занял Пресняков в ряду петербургских историков, было обращено внимание в статье С. Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет». В этой статье С. Н. Валк не только охарактеризовал Преснякова и его труды, но и сделал попытку оценить вклад Преснякова в формирование петербургской исторической школы, в оформление принципов, которыми эта школа руководствовалась.⁹

Характеристики Н. Л. Рубинштейна и С. Н. Валка отличались тенденцией объективно оценить и общие черты, присущие развитию исторической науки, и значение взглядов и трудов Преснякова. Такой подход был изгнан из исторических трудов в годы «борьбы с космополитизмом и буржуазным объективизмом». Необоснованные упреки раздались и в адрес Н. Л. Рубинштейна и, в меньшей мере, С. Н. Валка. В ряду историков, чьи взгляды и труды стали объектом жесткого пересмотра, оказался и Пресняков. Л. В. Черепнин в обширной статье «Об исторических взглядах А. Е. Преснякова»,¹⁰ рассматривая научное наследие Преснякова как единое целое, воздавая должное в изучении важных проблем отечественной истории, вместе с тем писал, что «общее мировоззрение Преснякова — мировоззрение историка-идеалиста», зависимое от «идеалистической теории источниковедения» А. С. Лаппо-Данилевского и «формально-источниковедческих позиций» А. А. Шахматова.¹¹ Л. В. Черепнин не соглашался с противопоставлением московской и петербургской исторических школ.¹² «Октябрьская революция, — полагал Л. В. Черепнин, — не внесла почти ничего нового в представления Преснякова об истории феодальной России». Что же касается работ Преснякова по истории декабристов, о царствовании Александра I и Николая I, то они, по мне-

⁶ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938—1939. Т. 1—2.

⁷ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 525—534.

⁸ Там же. С. 505—507 и др.

⁹ Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет. Цит по: Валк С. Н. Избр. труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 59—64, 69—70 и др.

¹⁰ Черепнин Л. В. Об исторических взглядах А. Е. Преснякова // Исторические записки. М., 1950. Т. 33. С. 203—231.

¹¹ Там же. С. 230—231.

¹² Там же. С. 207.

нию Л. В. Черепнина, «оказались бессильны дать подлинно научную, классовую оценку изучаемых событий».¹³

— Постепенное освобождение от догматических пут, начавшееся в исторической науке в середине 1950-х гг., коснулось и историографии. А. Л. Шапиро одним из первых осмелился в курсе лекций «Русская историография в период империализма» отметить, что в трудах и взглядах русских историков, чьи взгляды формировались в конце XIX—начале XX в., а основная научная и преподавательская деятельность пришлась на первую половину XX в., обычно относимых к категории «буржуазных», было немало достижений, которые состояли не только в накоплении исторических фактов и исследовании источников, но и в общетеоретических построениях. В этом смысле А. Л. Шапиро, ученик А. Е. Преснякова, продолжал развивать тенденции, присущие статье его старшего коллеги С. Н. Валка «Историческая наука в Ленинградском университете...». Отдельная лекция в курсе А. Л. Шапиро была озаглавлена «Критика А. Е. Пресняковым традиционных взглядов на историю древней Руси».¹⁴ Вниманием к историкам петербургской исторической школы, к наследию А. Е. Преснякова в частности, были отмечены статья Г. Б. Гальперина о философской основе исторической концепции Преснякова¹⁵ и историографические статьи С. О. Шмидта.¹⁶

Новый этап в изучении биографии и трудов А. Е. Преснякова связан с появлением историографических работ С. В. Чиркова и М. Б. Свердлова. С. В. Чирков, ученик С. О. Шмидта, обратившись к всестороннему изучению историков петербургской школы, большое место в своих исследованиях отвел и наследию А. Е. Преснякова.¹⁷ Одним из достоинств работ С. В. Чиркова и М. Б. Свердлова является использование в них материалов из архива А. Е. Преснякова, хранящегося в Санкт-Петербургском Институте истории РАН. М. Б. Свердлов, серьезно занимавшийся древней историей Руси, ряд своих трудов посвятил источниковедению и историографии. В частности он подготовил новое издание книги А. Е. Преснякова «Княжое право...» и первого тома его «Лекций по русской истории».¹⁸ Сопровождающие эту публикацию статьи М. Б. Свердлова о А. Е. Преснякове выходят за рамки комментария к трудам Преснякова и имеют самостоятельное

¹³ Там же. С. 225, 229, 230—231.

¹⁴ Шапиро А. Л. Русская историография в период империализма: Курс лекций. Л., 1962. С. 87—98; См. также: Шапиро А. Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: Уч. пособие. [М.], 1993. С. 636—647.

¹⁵ Гальперин Г. Б. К вопросу о философской основе исторической концепции А. Е. Преснякова // Философские проблемы государства и права. Л., 1970.

¹⁶ Шмидт С. О. О предмете советской историографии и о некоторых принципах ее периодизации // История СССР. 1963. № 1.

¹⁷ Чирков С. В. 1) Обзор архивного фонда А. Е. Преснякова // АЕ за 1970 г. М., 1971. С. 307—314; 2) Список трудов А. Е. Преснякова // Там же. С. 323—331; 3) Проникновенный источниковед: Александр Евгеньевич Пресняков // Историки России. XVIII—начало XX в. М., 1996. С. 553—576; 4) Александр Евгеньевич Пресняков // Портреты историков. Время и судьбы. Т. I. Отечественная история. М.: Иерусалим, 2000. С. 136—152; 5) Пресняков Александр Евгеньевич (1870—1929) // Историки России. Биография. М., 2001. С. 485—491 и др.

¹⁸ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X—XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь / Подгот. текста, статьи и примеч. д-ра ист. наук М. Б. Свердлова. М., 1993.

значение.¹⁹ М. Б. Свердлов не только опубликовал названные выше труды Преснякова и снабдил их современными комментариями, но также изложил свой взгляд на ряд проблем, носящих как общий характер, так и касающихся творчества Преснякова и неоднократно являвшихся предметом дискуссии.²⁰

В последнее время интерес к фигуре А. Е. Преснякова заметно усилился. Историки все чаще обращаются к его архиву, в котором хранятся и письма Преснякова к родным. Облик Преснякова предстает все более разносторонним. Историки, занимающиеся русской историографией, во многом по-новому ставят важные проблемы как общего развития исторической науки, так и своеобразия взглядов Преснякова. С большей полнотой оказывается обрисован облик Преснякова как человека. Многие положения, содержащиеся в книгах и статьях последних лет, носят дискуссионный характер. К числу спорных проблем можно отнести вопрос о формировании историко-философских взглядов Преснякова, в частности о его отношении к марксизму и другим философским теориям. К работам, в которых ставятся такого рода проблемы, можно отнести статьи Т. Н. Жуковской²¹ и Б. С. Кагановича.²² В статьях последних лет ставится вопрос об уточнении понятия «петербургская историческая школа», о характере ее взаимоотношений с историками других школ, прежде всего московской исторической школы, о критическом подходе Преснякова к наследию таких историков, как С. М. Соловьев и В. О. Ключевский. Значение высказываний Преснякова об особенностях петербургской исторической школы подчеркнуто в статьях Б. В. Ананьича и В. М. Панеяха.²³

¹⁹ Свердлов М. Б. 1) А. Е. Пресняков (1870—1929). Жизнь и творчество // Пресняков А. Е. Княжеское право в древней Руси... Лекции по русской истории... М., 1993. С. 506—554; 2) Проблемы изучения древней Руси в творчестве А. Е. Преснякова // Там же. С. 555—586.

²⁰ См. рец. В. С. Брачева в журнале «Отечественная история» (1995. № 3. С. 198—201); Свердлов М. Б. О «петербургской школе историков», корректности исторического анализа и рецензии В. С. Брачева. СПб.: «Минерва». 1995. 33 с. В. С. Брачев выпустил отдельным изданием историко-биографический очерк о Преснякове. См: Брачев В. С. Русский историк А. Е. Пресняков (1870—1929). СПб., 2002. 84 с. (с прилож.). К сожалению, работа В. С. Брачева содержит много фактических ошибок (см. с. 3, 32, 60, 61, 64, 65) и бездоказательных суждений.

²¹ Жуковская Т. Н. 1) Точка пути. Некоторые размышления о «петербургской школе» // Третьи мартовские чтения памяти С. Б. Окуня: Материалы науч. конф. СПб., 1997. С. 8—14; 2) А. Е. Пресняков — декабриствед // Там же. С. 81—87; 3) А. Е. Пресняков и марксизм: опыт историографической демифологизации // Россия в XIX—XX вв.: Сб. статей к 70-летию со дня рождения Р. Ш. Ганглина. СПб., 1998. С. 28—40; 4) Смысл творчества и «жизненный мир»: случай А. Е. Преснякова // Культура исторической памяти: Материалы науч. конф. Петрозаводск, 2002. С. 132—162.

²² Каганович Б. С. 1) А. Е. Пресняков и Карл Виттфогель (Вокруг одной концепции русского исторического процесса) // Третьи мартовские чтения памяти С. Б. Окуня: Материалы науч. конф. СПб., 1997. С. 28—40; 2) А. Е. Пресняков, петербургская школа и марксизм // Cahiers du Monde Russe. 2001. N 42/1. Janvier—Mars. P. 31—48; 3) А. Е. Пресняков и И. М. Гревс (из разысканий по теме: А. Е. Пресняков и его современники) // АЕ за 2000 г. М., 2001. С. 258—263.

²³ Ананьич Б. В., Панеях В. М. 1) К вопросу о петербургской исторической школе // Политика и культура в контексте истории: Материалы междунар. науч. конф., посвященной памяти Л. Е. Кертмана. Пермь, 24—25 сентября 1997. Пермь, 1998. С. 107—111; 2) О петербургской исторической школе и ее судьбе // ОИ. 2000. № 5. С. 105—113; Ananjich B. W., Panejach W. M. 1) The St. Petersburg school of history and its

Пресняков как учитель, старший и ближайший товарищ представлен в статье С. Н. Валка о Б. А. Романове²⁴ и в монографии В. М. Панеяха «Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов».²⁵

Как видим, несмотря на значительное число работ, интересных суждений, в них высказанных, у историков есть немало возможностей восстановить более целостный облик Преснякова как человека и с большей отчетливостью оценить его научное наследие. Неоценимым материалом в решении этой задачи могут послужить хранящиеся в архиве Санкт-Петербургского Института истории Российской Академии наук письма Преснякова к родным.

Отец Александра Евгеньевича Преснякова Евгений Львович был инженером путей сообщения. Его работа была связана с постоянными поездками. Александр Евгеньевич родился в Одессе 21 апреля 1870 г. Его школьные годы прошли в Москве и Тифлисе, где в 1889 г. он успешно окончил 1-ю Тифлисскую гимназию.

Осенью 1889 г. Пресняков стал студентом Петербургского университета. Любящий сын, будучи в разлуке с родителями, поддерживал с ними оживленную переписку. Большая часть писем адресована матери Марии Пафнутьевне Пресняковой. Отцу А. Е. Пресняков писал сравнительно редко, но из писем, адресованных матери, Е. Л. Преснякову было известно, как обстоят дела у сына. Значительна по объему и переписка А. Е. Преснякова с его невестой, а затем женой Юлией Петровной, урожденной Кимонт.

В письмах А. Е. Преснякова переплетаются сведения о его личной жизни и самых тонких душевных переживаниях с повествованием об учебных занятиях, а затем научных поисках и служебных делах. Близкий к миру искусства и по своим разносторонним интересам, и по широкому кругу знакомств, А. Е. Пресняков в своих письмах делится впечатлениями о театральные и музыкальные премьеры, о художественных вернисажах.

Пресняков — человек, склонный к постоянному поиску. Эта склонность наложила свой отпечаток на формирование Преснякова как ученого, историка, исследователя, преподавателя. Поступив на юридический факультет, он вскоре переходит на историко-филологический. Не просто складываются его отношения и с профессорами, у которых он учился в университете. Нелегко сказать, кто из учителей Преснякова оказал на него наибольшее влияние. Об этом постоянно размышлял и сам Пресняков, своими сомнениями он часто делился с матерью. Знакомясь с письмами Преснякова, можно заметить, как постепенно накапливаются факты, рождаются мысли, на основе которых со временем Пресняков сформулирует свои выводы об особенностях петербургской исторической школы и свое видение противостояния школе московских историков во главе с В. О. Ключевским.

fatc // Russian studies in history. 1998. Vol. 36. N 4. P. 72—92; 2) The St. Petersburg school of history and its fate // Historiography of Imperial Russia. London, 1999. P. 146—162.

²⁴ Валк С. Н. Борис Александрович Романов // Валк С. Н. Избр. труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 107—145.

²⁵ Панях В. М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.

В памяти и сознании Преснякова останется глубокий след от старшего поколения петербургской профессуры, представленной В. Г. Васильевским и К. Н. Бестужевым-Рюминым. В. Г. Васильевский был высоко ценим Пресняковым и как лектор (сохранилась тетрадь Преснякова с конспектом лекций В. Г. Васильевского по истории средневековой Франции) и, в особенности, как мастер источниковедческого исследования, наставник, умело передававший ученикам свое умение тонко анализировать исторический источник, бережно относиться к историческим фактам. По-видимому, В. Г. Васильевский в большей мере, чем К. Н. Бестужев-Рюмин, оказал влияние на своеобразие восприятия Пресняковым методов исторического исследования. Но и К. Н. Бестужев-Рюмин оказался тесно связан с началом научной карьеры Преснякова. Незадолго до смерти К. Н. Бестужев-Рюмин успел одобрить рекомендацию об оставлении Преснякова при университете для подготовки к профессорскому званию.

Письма Преснякова родным позволяют восстановить многие детали сложных взаимоотношений Преснякова с его непосредственным учителем, молодым тогда профессором русской истории С. Ф. Платоновым. Они то сближаются, то отдаляются друг от друга, но в конечном счете в истории исторической науки их имена оказываются тесно переплетенными. Под руководством Платонова Пресняков познал искусство интерпретации такого классического источника по истории древней Руси, каким были летописные своды. Блестящее знание летописного материала, усовершенствованное впоследствии под влиянием А. А. Шахматова, позволило Преснякову создать труды, во многом по-новому трактующие и историко-юридическую и социально-политическую историю древней Руси. Пресняков не ограничивался источниковедческим исследованием русских летописей и воссозданием с их помощью и с помощью других источников картины древнерусской истории. Его влекли к себе и общие проблемы исторической науки, и всемирная история. Эта сторона научного творчества Преснякова также находит свое отражение в его письмах. Читая его письма, ясне представляешь причины сближения Преснякова с профессором Г. В. Форстенем, его роль в кружке «форстенят».²⁶ Определенный отпечаток на труды Преснякова наложили и лекции историка русского права В. И. Сергеевича. В случае Преснякова правомерно говорить о разностороннем влиянии на него представителей нескольких научных направлений, и уже потому — о синтетичности его собственного научного метода и широте интересов.

Особенность научной деятельности Преснякова — постоянное сочетание преподавательской и исследовательской работы. Из его писем и дневников видно, как много времени и сил он тратил на преподавательскую деятельность в разных ее формах, будь то занятия в гимназии, частные уроки, семинары и лекции в Женском педагогическом институте и в Петербургском университете. Преподавательская работа, казалось бы, мешала Преснякову как исследователю. Однако, быть может, именно благодаря тому что в учебной аудитории историк постоянно отшлифовывал методы анализа источников и оттачивал точность формулировок, его книги отличались совершенством источниковедческого анализа, прозрачностью языка и убедительностью выводов.

²⁶ О Г. В. Форстене и кружке «форстенят» см.: Кан А. С. Историк Г. В. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 81—89.

Начальный этап занятий Преснякова в области истории древней Руси связан с дипломным сочинением «Царственная книга, ее состав и происхождение».²⁷ Важным событием в изучении юридических представлений древней Руси стала магистерская диссертация Преснякова «Княжое право в древней Руси».²⁸ В историографической литературе отмечалось, что «Княжое право...» может рассматриваться как труд, написанный под заметным влиянием В. И. Сергеевича, но отличавшийся тем, что в нем Пресняков «хотя и замыкался в рамках политической темы государственной истории, последовательно освобождался от влияния государственной, юридической школы и обращался к изучению реальных исторических событий», «фактически ищет реальное содержание правовых норм, сквозь призму юридических отношений изучает действительные общественные отношения», «не отдельные правовые институты, а систему правовых институтов в их внутренней связи, в единственном их историческом содержании». Далее обращалось внимание на то, что «вопрос о „княжом праве“ был вопросом о княжьем обществе, объединенном княжеской защитой (*mundeburdum*), подобно западноевропейской организации периода складывания феодального строя». Историкам, изучавшим русскую историографию конца XIX—начала XX в., чьи мысли были выражены, в частности, Н. Л. Рубинштейном, представлялось, что от «Княжого права...» Преснякову «по сути дела» «оставалось сделать еще один шаг, чтобы прийти к вопросу о возникновении феодализма в России». Н. Л. Рубинштейну казалось, что «только связанность традицией государственной школы» не дала Преснякову «сделать этот шаг».²⁹

Раскрыть истинное отношение Преснякова к теории русского феодализма не просто. Быть может, объяснение Н. Л. Рубинштейна, приведенное выше, имеет под собой основания, но не в полной мере отвечает на поставленный им же вопрос. Весьма интересна в этом отношении переписка между Н. П. Павловым-Сильванским и А. Е. Пресняковым.³⁰ С одной стороны, Пресняков всячески поддерживает искания и выводы Павлова-Сильванского. С другой — в собственных работах упорно избегает понятие «русский феодализм». Историки, стремящиеся обнаружить в трудах Преснякова подтверждение тому, что и он признавал наличие феодальных отношений на Руси, находят это подтверждение в написанной уже после революции, но так и не опубликованной рукописи «Феодализм в России».³¹

Большой труд, над которым долго работал Пресняков, а затем представил его к защите в качестве докторской диссертации, был назван «Образование Великорусского государства. Очерки по истории

²⁷ Записки историко-филологического факультета Петербургского университета. СПб., 1893. Ч. 31, вып. 2. С. 1—52. Отд. изд.: СПб., 1893. 52 с.

²⁸ Пресняков А. Е. Княжое право в древней Руси: Очерки по истории X—XII столетий. СПб., 1909. На книгу сразу же последовали рецензии, среди которых следует выделить рецензии С. Ф. Платонова (ЖМНП. 1909. № 7. С. 213—216) и А. А. Кизветтера (Русская мысль. 1909. № 9. С. 61—69).

²⁹ Рубинштейн Н. Л. Русская историография. С. 506.

³⁰ Переписка Н. П. Павлова-Сильванского с А. Е. Пресняковым // Павлов-Сильванский Н. П. Феодализм в России / Статьи С. О. Шмидта и С. В. Чиркова; Примеч. С. В. Чиркова; Отв. ред. С. О. Шмидт. М., 1988. С. 544—563.

³¹ См., напр.: Свердлов М. Б. Проблемы изучения древней Руси в творчестве А. Е. Преснякова. С. 582.

XIII—XV столетий».³² Этот труд носил отчетливую критическую направленность, что и подчеркнул Пресняков в речи, которую произнес перед защитой диссертации. Если в книге «Княжое право...» объектом критического разбора были концепции истории России, в основе которых лежала родовая теория С. М. Соловьева, то в «Образовании Великоорусского государства...» Пресняков обратился к пересмотру взглядов В. О. Ключевского, его трактовки удельных порядков Северо-Восточной Руси как следствия колонизации ее неосвоенных земель. Пресняков также показал, что С. М. Соловьев и В. О. Ключевский преувеличивали различие в общественно-политических порядках Киевской и Северо-Восточной Руси. Заслугой Преснякова было и то, что образование Великоорусского государства он проследил в тесной связи с внешней политикой московских князей, уточнил, как складывались отношения Московского великого княжества с Ордой, Литвой, Новгородом, другими великими княжествами. Обратил внимание Пресняков и на взаимоотношения власти великокняжеской с властью церковной.

Истории древней Руси помимо магистерской и докторской диссертаций Пресняков посвятил написанные как до, так и после 1917 г. многочисленные статьи, напечатанные в журналах, в специальных сборниках и в коллективных трудах («Киевская Русь»; «Три века; Россия от Смуты до нашего времени»; «Государяи дома Романовых»), а также книгу «Московское царство. Общий очерк».³³

В 1918 г. Пресняков стал профессором Петроградского университета, 4 декабря 1920 г. был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук.³⁴ Занятый преподавательской и исследовательской работой Пресняков никогда не был замкнут в сфере научных интересов. Он живо следил за политической жизнью, и если в студенческие годы или первые годы после университета (совпавшие с концом царствования Александра III) он критически настроен по отношению к «верхам», но сознательно дистанцируется от политики («Я рад, что мне суждено быть бездельником, т. е. вне прямо практической деятельности», — пишет он матери в октябре 1892 г.), то в конце 1890-х гг. наступает явный перелом в его настроениях. Внешне это проявилось в сотрудничестве с леволиберальными изданиями («Новое слово», «Мир Божий», «Жизнь»), а также некотором отдалении от аполитичных коллег (Платонова и «платоновцев») и сближении с теми, кто сочетал научную деятельность с «общественной» (И. М. Гревс). Либеральные позиции занял А. Е. Пресняков и в годы первой русской революции. В это время интерес к политике и возможность разрабатывать еще недавно «закрытые» исторические темы способствовали расширению круга научных занятий. Так, в поле зре-

³² Пресняков А. Е. Образование Великоорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918. Рецензии на этот труд написали С. В. Рождественский (РИЖ. 1918. № 5. С. 279—290) и И. И. Яковкин (Дела и дни. 1920. № 1. С. 442—450).

³³ Пресняков А. Е. Московское царство. Общий очерк. Пг., 1918. В качестве рецензентов этой книги выступили М. А. Дьяконов (РИЖ. 1918. № 5. С. 265—269) и И. И. Яковкин (Дела и дни. 1920. № 1. С. 442—450).

³⁴ В связи с выборами была составлена и опубликована «Записка об ученых трудах проф. А. Е. Преснякова» (Известия Российской Академии наук. 6 серия. 1920. Т. 14. № 1—18. С. 153—157).

ния Преснякова оказались проблемы истории России первой половины XIX в., внутренней политики и общественной жизни этого периода. Пресняков рецензировал исторические новинки, писал отдельные статьи, в частности статьи, посвященные декабристам и народникам, еще в дореволюционные годы. Одна за другой появились его книги «Александр Первый»,³⁵ «Апогей самодержавия. Николай I»,³⁶ «14 декабря 1825 года».³⁷ Последняя из названных книг не только стала заметным событием на фоне празднования 100-летнего юбилея восстания на Сенатской площади 14 декабря 1825 г., но и вошла в число наиболее значительных монографий, посвященных истории декабристов.

Политическая активность Преснякова, его неприятие крайностей российского самодержавия позволили ему, образно говоря, устоять на ногах в лихую годину революционных бурь 1917 г. и гражданской войны.

Но, с другой стороны, Пресняков остро и болезненно ощущал, что революционная ломка не только сметает архаические системы и институты, но одновременно вольно или невольно становится причиной гибели многих культурных ценностей. О том, как близко к сердцу принимал эти потери Пресняков, можно судить по его реакции на смерть учителей и коллег, ушедших из жизни в трудные для России годы. Так случилось, что Преснякову пришлось с небольшими интервалами один за другим писать некрологи, статьи, посвященные трудам ушедших из жизни коллег.

В 1916 г. Пресняков написал статью «Памяти М. Ф. Владимирского-Буданова».³⁸ Он воздавал должное памяти коллеги, оценивал его труды. Можно сказать, что статья была в духе тех некрологов, которые и раньше приходилось писать Преснякову, когда в 1908 г. умер В. Б. Антонович,³⁹ в том же году — близкий друг и коллега Преснякова Н. П. Павлов-Сильванский,⁴⁰ в 1909 г. — И. Е. Забелин⁴¹ и Ф. Ф. Соколов.⁴²

Принципиально иной характер имело то, что написал Пресняков после смерти А. С. Лаппо-Данилевского в феврале 1919 г. Три обстоятельные статьи и книга о А. С. Лаппо-Данилевском, написанные Пресняковым, были и данью памяти учителя, и выдающимся вкладом в историографию, и заметным событием в общественной жизни.⁴³ Пресняков фактически одним из первых попытался оценить непростое научное наследие А. С. Лаппо-Данилевского, но, кроме того, он

³⁵ Пресняков А. Е. Александр Первый. Пг., 1924.

³⁶ Пресняков А. Е. Апогей самодержавия. Николай I. Л., 1925.

³⁷ Пресняков А. Е. 14 декабря 1825 года. М., 1926.

³⁸ День. 1916. 30 марта.

³⁹ Слово. 1908. 11 марта.

⁴⁰ Пресняков А. Е. Н. П. Павлов-Сильванский (род. 1869—ум. 1908 г. Некролог) // ЖМНП. 1908. № 11. Отд. 4. С. 11—17.

⁴¹ Пресняков А. Е. Памяти Ивана Егоровича Забелина // Вестник Европы. 1909. № 2. С. 805—811.

⁴² Памяти Ф. Ф. Соколова // Слово. 1909. 3 июня (без подписи).

⁴³ Пресняков А. Е. 1) Памяти А. С. Лаппо-Данилевского // Исторический архив. Пг., 1919. Кн. 1. С. 521—523 (без подписи); 2) А. С. Лаппо-Данилевский как ученый и мыслитель // РИЖ. 1920. № 6. С. 82—96; 3) Труды А. С. Лаппо-Данилевского по русской истории // Там же. С. 97—111; 4) Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пг., 1922.

сумел передать тревогу друзей и близких, для которых причина смерти выдающегося ученого связывалась не только с неожиданно подкравшейся болезнью, но и с гибелью тех духовных ценностей, к носителям которых относили и А. С. Лаппо-Данилевского. Вскоре после смерти А. С. Лаппо-Данилевского Преснякову пришлось написать некролог и две статьи, посвященные А. А. Шахматову, другому из его учителей, также не перенесшему невзгод гражданской войны.⁴⁴ В те же годы Пресняков пишет статью о трудах умершего в 1919 г. М. А. Дьяконова.⁴⁵

Как уже было сказано, некрологи и статьи, посвященные Пресняковым памяти ученых историков, ушедших из жизни в 1919—1920 гг., содержали важные суждения об особенностях развития русской историографии в конце XIX—начале XX в. Тогда же и чуть позднее Пресняков читает доклады и пишет статьи, приуроченные к тем или иным датам, связанным с жизнью и деятельностью выдающихся русских историков второй половины XIX—начала XX в., не доживших до революции, но оказавших столь значительное влияние на развитие русской исторической науки, что анализ их трудов и взглядов оставался одной из важнейших проблем исторической науки и в 1920-е, и в последующие годы. К числу таковых относились: опубликованный многие годы спустя доклад «С. М. Соловьев и его влияние на развитие русской историографии»,⁴⁶ статьи «К. Н. Бестужев-Рюмин (к 25-летию со дня кончины)»,⁴⁷ «В. О. Ключевский (1911—1921)».⁴⁸

Статьи, посвященные С. М. Соловьеву, К. Н. Бестужеву-Рюмину, В. О. Ключевскому, не только содержали критический анализ их жизненного пути и трудов, но и были проникнуты стремлением извлечь из их наследия все положительное, несли на себе отпечаток оптимизма, того оптимизма, который контрастировал с горькими размышлениями о судьбе русской культуры и науки, присутствовавшими в некрологах, статьях, книге, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому и другим ушедшим ученым.

В еще большей степени оптимистическое начало выражено в напечатанной в 1920 г. Пресняковым статье «Обзоры пережитого».⁴⁹ В ней присутствовало признание того, что, несмотря на «глубокий всесторонний кризис», с «первых дней революционного взрыва» «идет упорное и жадное искание просвещения, обучения, осмысления возникших вопросов — словом, жажда „сознательности“ в массе населения, впервые пробужденной к самостоятельности и самоопределению».

⁴⁴ Пресняков А. Е. 1) А. А. Шахматов. Некролог // Дела и дни. Пг., 1920. Кн. 1. С. 611—614; 2) Взгляд А. А. Шахматова на древнейшие судьбы русского племени // РИЖ. 1921. № 7. С. 114—120.

⁴⁵ Пресняков А. Е. Труды М. А. Дьяконова по русской истории // РИЖ. 1921. № 7. С. 8—25.

⁴⁶ Пресняков А. Е. С. М. Соловьев и его влияние на развитие русской историографии // Вопросы историографии и источниковедения истории СССР. Труды ЛОИИ. Л., 1963. С. 76—86. Вып. 1.

⁴⁷ Пресняков А. Е. К. Н. Бестужев-Рюмин (к 25-летию со дня кончины) // Дела и дни. Пг., 1922. Кн. 3. С. 166—172.

⁴⁸ Пресняков А. Е. В. О. Ключевский (1911—1921) // РИЖ. 1922. № 8. С. 203—224.

⁴⁹ Пресняков А. Е. Обзоры пережитого // Дела и дни. Пг., 1920. Кн. 1. С. 346—352.

В большей мере, чем другие его коллеги и друзья, Пресняков находил возможным активно приложить свои силы, сотрудничая с Советской властью. Он читает лекции и исполняет обязанности декана в Петроградском археологическом институте, преподает в университете, Педагогическом институте им. А. И. Герцена, а с 1927 г. и в Институте красной профессуры. Он деятельный участник грандиозной и трудоемкой работы по налаживанию архивного дела, участвует в организации и деятельности двух научных институтов, объединивших в то время силы ленинградских историков, — Научно-исследовательского исторического института при Петроградском университете (1921—1923) и Ленинградского отделения Института истории РАНИОН (1926—1928).

Как это ни покажется странным, письма и дневники Преснякова хотя и относятся к первой половине его жизни, а годам Советской власти принадлежат лишь немногие из них, именно в этой части наследия Преснякова можно найти объяснение, казалось бы, парадоксальному для сложившегося до революции ученого поведению в годы революции и гражданской войны.

В письмах и дневниках Преснякова можно заметить немало деталей, которые, будучи сопоставлены друг с другом, подтвердят правоту слов С. Ф. Платонова, уже процитированных в начале статьи, о том, что «ничто новое в сфере политико-общественной, научной и литературной не было ему чуждо». В трудные годы крушения старой России и распада старой русской культуры эта черта характера помогала Преснякову не только не впасть в отчаяние, но и настойчиво работать, сохраняя в нелегких условиях лучшие традиции русской исторической науки.

Публикуемый комплекс писем историка к родным уникален уже в силу своей масштабности. Только письма Преснякова к матери и жене составляют более 3 тыс. листов.⁵⁰ К ним примыкают две тетради дневника за студенческие годы (гимназические дневники не сохранились). Письма и дневники охватывают фактически весь сознательный путь Преснякова в науке. Самые ранние записи в дневнике датированы июнем 1889 г., а последние письма, адресованные жене, написаны в 1927 г. Переписка, которую Пресняков вел с матерью, Марией Пафнутьевной, с момента отъезда из родительского дома и поступления в Петербургский университет, практически не прерывалась до переезда родителей в Петербург в 1901 г. Переписка с Юлией Петровной Кимонт, ставшей в 1895 г. женой Преснякова, также была достаточно регулярной, поскольку супруги часто расставались. Едва ли кто из историков круга Преснякова оставил по себе столь подробное и яркое «повествование в письмах». Этот источник, конечно, весьма информативен для истории исторической науки, именно в этом качестве он и использовался до сих пор.⁵¹ Но для нас эти письма и дневники ценны и как биографический факт.

⁵⁰ К сожалению, в архиве историка сохранилось всего несколько ответных писем М. П. Пресняковой к сыну, обнаруживающих неподдельную заинтересованность и посвященность матери в его дела и переживания (Архив СПбИИ РАН. Ф. 193. Оп. 2. Д. 13) и одно письмо отца 1906 г. (Там же. Д. 15).

⁵¹ Например, в монографии А. С. Кана «Историк Г. В. Форстен и наука его времени» при реконструкции отношений в университетских кружках, выяснении